05 1990

3 4 3

ТУ–19–241–82

8

3.

студия
ДИАФИЛЬМ

АЛЕКСАНДР
ТВАРДОВСКИЙ

Вся суть в одном-единственном завете:
То, что скажу, до времени тая,
Я это знаю лучше всех на свете —
Живых и мертвых,—знаю только я.

Сказать то слово никому другому
Я никогда бы ни за что не мог
Передоверить. Даже Льву Толстому —
Нельзя. Не скажет—пусть себе он бог.

А я лишь смертный. За свое в ответе,
Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу.

Александр Трифонович Твардовский — имя в истории советской литературы искренне и глубоко чтимое.

Время развенчало многие авторитеты, казавшиеся раньше незыблемыми. Личность Твардовского лишь укрупняется и приближается к нам с годами.

«Родился я в Смоленщине, в 1910 году, 21 июня, на хуторе «пустоши Столпово»... Нам, детям, отец с самого малого возраста внушал любовь и уважение к этой кислой, подзолистой, скупой и недоброй, но *нашей* земле — нашему имению, как в шутку и не в шутку называл он свой хутор».

«По-разному благосклонно и по-разному с тревогой относились мои родители к тому, что я стал сочинять стихи. Отцу, человеку очень честолюбивому, это было лестно... Мать... по-своему чуяла некую печальную предназначенность моей судьбы и жалела меня».

Семья Твардовских: мать—Мария Митрофановна, Александр, Иван, отец—Трифон Гордеевич с дочерью Анной, Константин. 1916 г.

Смоленская Деревня.

...ское—бытовое,—

...овый быт.

Пришла революция. Она много внесла нового и в быт деревни.

Старые бытовые устои мало по малу рушатся и на развалинах их постепенно нарождается новый быт.

Красные свадьбы, октябрины, революционные праздноства, газета, изба-читальня,—все это явления нарождающегося нового быта.

Здесь все просто, понятно. Все это исходит из того—как бы так наладить отношения между людьми, чтобы каждый видел и чувствовал, что жить ему стало лучше.

За новый быт надо бороться—грамотностью, просвещением.

Изживать пережитки старины
Клином клин вышибать.

А. Ник—ич.

Новая изба

Пахнет свежей сосновой смолою.
Желтоватые стенки блестят.
Хорошо заживем мы семьею
Здесь—на новый советский лад.

А в углу мы „богов" не повесим
И не будет лампадка тлеть.
Вместо этой дедовской плесени
Из угла будет Ленин глядеть.

Александр Твардовский

Детские ясли.
Ясли—большое облегчение для крестьянки.

Таким был дебют «селькора А.Т.». Его стихотворение «Новая изба» напечатала газета «Смоленская деревня» 19 июля 1925 года.

До настоящей поэзии еще, конечно, очень далеко.

Но в душе уже крепла горячая мечта уехать в город, заняться литературой. Ради этого он готов был переносить безысходную нужду, голод...

«На что я только не согласен, чтобы набрать запас душевных сил в дальнюю дорогу—жизнь».

Семнадцатилетним пареньком, не сказавшись родным, Твардовский ушел из деревни, добрался до Смоленска и появился в редакции газеты «Рабочий путь». Позже с добрым чувством будет он вспоминать низкие комнаты с особенным редакционным запахом, улыбающиеся сквозь очки глаза Исаковского.

«Я не бесталанен. Но талантливость моя не настолько велика, чтобы проявиться без особых усилий с моей стороны, без труда, при наличии все обнаруживающейся некультурности. Я абсолютно уверен, что, если буду по-настоящему работать, смогу стать большим писателем».

М. Исаковский и А. Твардовский среди смоленских колхозников.

Из речи А. Фадеева на I съезде советских писателей: «Если внести элементы условности... заставить мужика проехать на клячонке от Черного моря до Ледовитого океана... то при хорошем выполнении получился бы роман такой силы обобщения, который затмил бы «Дон-Кихота», ибо превращение ста миллионов собственников в социалистов более серьезное дело, чем замена феодалов буржуазией».

Один из самых молодых делегатов съезда А. Твардовский решил выполнить социальный заказ.

«... Я очень горячо воспринял возможность этого сюжета... для осуществления настоятельной потребности, одолевавшей тогда меня: рассказать, что я знаю о крестьянине и колхозе». В 1936 году вышла в свет поэма «Страна Муравия».

И в стороне далекой той —
Знал точно Моргунок —
Стоит на горочке крутой,
Как кустик, хуторок.

....

Весь год — и летом и зимой,
Ныряют утки в озере.
И никакой, ни боже мой, —
Коммунии, колхозии!..

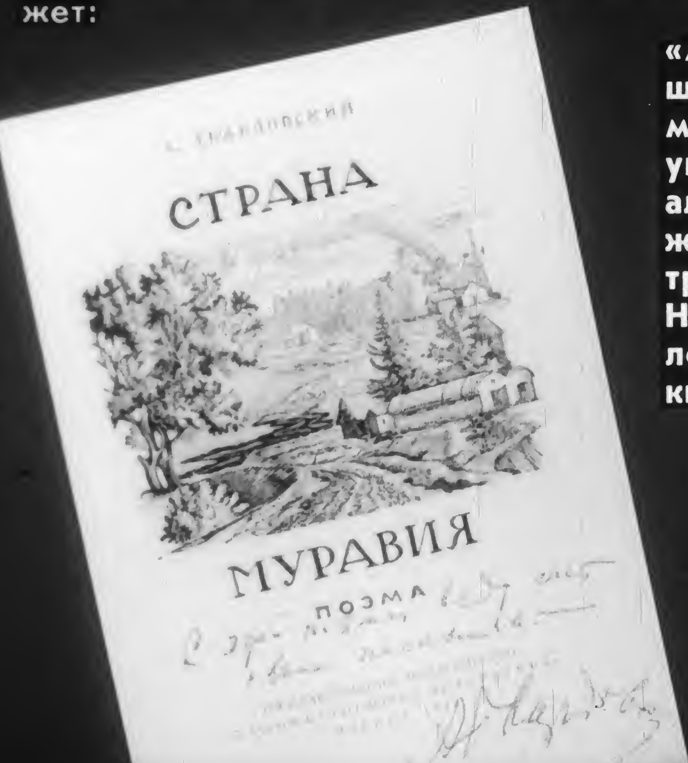
И всем крестьянским правилам
Муравия верна.
Муравия, Муравия!
Хо-рошая страна!..

Не сбылись мечтания Никиты Моргунка найти страну Муравию—землю обетованную. Искренне убежденный в том, что «нет и не может быть хорошей жизни вне колхоза», Твардовский в итоге приводит своего героя в колхоз.

Через много лет критически оценивая эту вещь, отмечая фальшь и натянутость многих мест, автор тем не менее скажет:

«А сильнейшая и ценнейшая сторона—в драматизме картины, в том, что упор не так на «материальность» единоличной жизни, как на ее поэзию, традиционную красоту. Не будь этого, нечего было бы и говорить об этой книге теперь».

Поэма читалась, обсуждалась, нравилась... И вдруг резкий отзыв Горького: «Автор должен посмотреть на эти стихи, как на черновики. Если он хочет серьезно работать в области литературы, он должен знать, что «поэмы» такого размера, в данном случае — длины — пишутся годами, а не по принципу: «Тяп-ляп, может, будет корабль».

А еще через два года студент ИФЛИ А. Твардовский, как утверждает легенда, вытащил на экзамене билет с вопросом по «Стране Муравии», включенной в программу курса советской литературы.

В Московском институте истории, философии, литературы Твардовский учился серьезно, даже истово, стараясь наверстать то, что пропустил в юности, в годы неустроенности, скитаний.

А. Твардовский (второй слева) с преподавателями и студентами первого выпуска ИФЛИ. 1939 г.

Перед войной Твардовский уже написал несколько глав «Василия Теркина». Имя героя поэмы было известно читателям еще с 1939—1940 годов, с периода финской кампании.

Литераторы, работавшие в редакции газеты «На страже Родины», придумали персонаж, который выступал в сериях занятных картинок, снабженных стихотворными подписями. Это был некий веселый удачливый боец.

Героя лубка Васю Теркина от знаменитого Василия Теркина отделяет еще два года работы и два года войны...

Войну Александр Трифонович прошел корреспондентом фронтовой газеты, полной мерой хлебнул солдатского лиха.

Повседневная работа военного корреспондента шла параллельно с созданием главной книги — «книги про бойца».

Теркин — кто же он такой!
Скажем откровенно:
Просто парень сам собой
Он обыкновенный.

Впрочем, парень хоть куда.
Парень в этом роде
В каждой роте есть всегда,
Да и в каждом взводе.

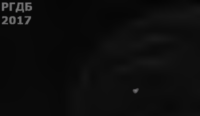

Рассказ о Василии Теркине невозможно представить без рисунков Ореста Верейского, которые сопровождали знаменитую поэму от первых публикаций до последнего собрания сочинений.

Счастливо найденный художником образ героя поэмы имел своего реального прототипа — бойца В. Глотова.

*А. Твардовский,
О. Верейский,
В. Глотов.
1944 г.*

Ветер злой навстречу пышет,
Жизнь, как веточку, колышет,
Каждый день и час грозя.
Кто доскажет, кто дослышит—
Угадать вперед нельзя.

И до той глухой разлуки,
Что бывает на войне,
Рассказать еще о друге
Кое-что успеть бы мне.

Рассказ поэта был услышан и понят: и теми, к кому он был обращен—солдатами, и многими, многими другими.

«В редакцию «Красноармейской правды», поэту тов. А. Твардовскому.

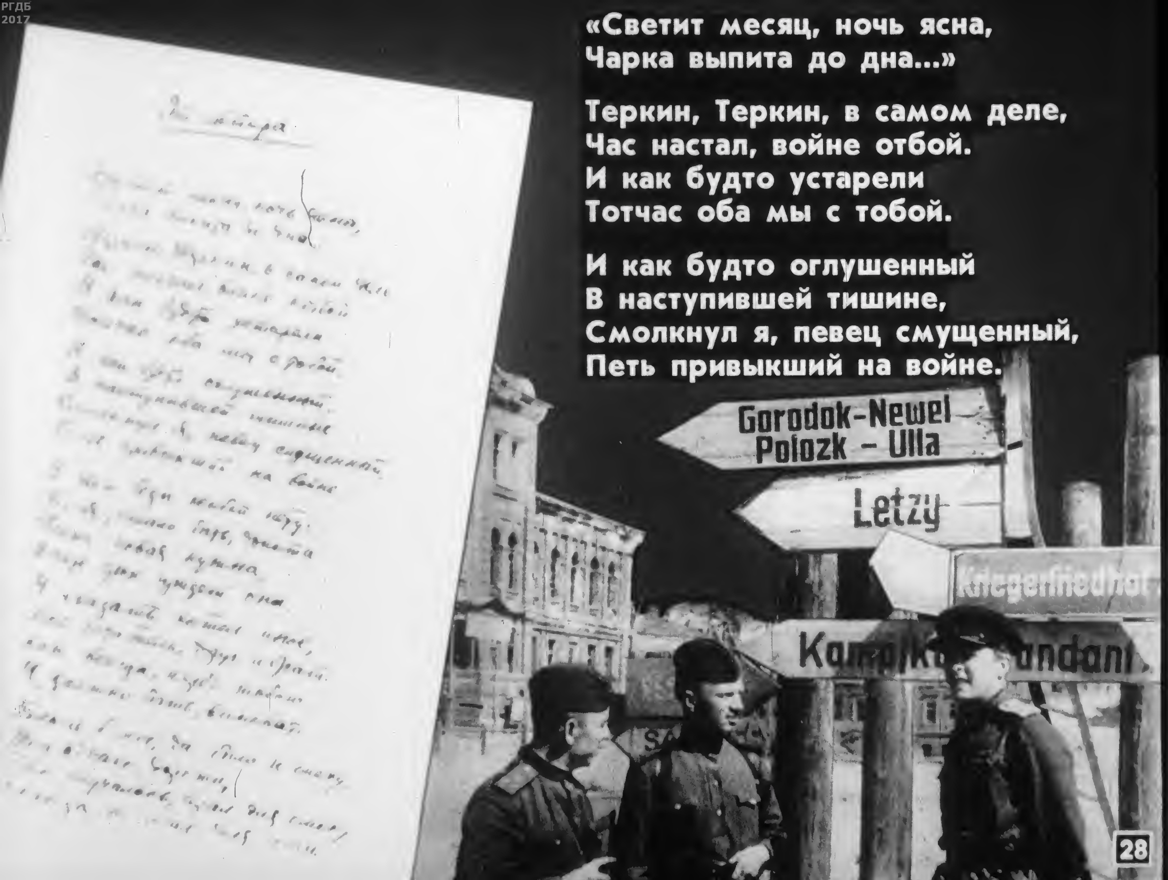

Тов. Твардовский, спрашиваем вас: нельзя ли в вашей поэме заменить имя Василий на Виктор, так как Василий—мой отец, ему 62 года, а я сын его—Виктор Васильевич Теркин, командир взвода. Нахожусь на Западном фронте, служу в артиллерии. А потому, если можно, то замените, и результат прошу сообщить мне по адресу п/п 312, 668 арт. полк, 2-й дивизион, Теркину Виктору Васильевичу».

А из Франции Н. Телешову писал Иван Алексеевич Бунин:

«Это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаль, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный народный солдатский язык... Возможно, что он останется автором только одной книги, начнет повторяться, писать хуже, но даже и это можно будет простить ему за «Теркина».

«Светит месяц, ночь ясна,
Чарка выпита до дна...»

Теркин, Теркин, в самом деле,
Час настал, войне отбой.
И как будто устарели
Тотчас оба мы с тобой.

И как будто оглушенный
В наступившей тишине,
Смолкнул я, певец смущенный,
Петь привыкший на войне.
Gorodok-Newel
Polozk - Ulla
Letzy
28

В 1945 году—
в год
нашей Победы—
Александру
Твардовскому
исполнилось всего
35 лет,
но какая большая
и
серьезная жизнь
была у него
за спиной.
29

*А. Твардовский
на пепелище
родной деревни
Загорье.
Август 1943 г.*

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они—кто старше, кто моложе—
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь,—
Речь не о том, но все же, все же, все же...

Работа над поэмой «За далью — даль» растянулась на десять лет. Замысел усложнялся, и поэма-путешествие постепенно становилась повествованием о времени и о себе.

На хуторском глухом подворье,
В тени обкуренных берез
Стояла кузница в Загорье,
И я при ней с рожденья рос.

....

На малой той частице света
Была она для всех вокруг
Тогдашним клубом, и газетой,
и академией наук.

Тема судьбы народной, судьбы крестьянской развивалась в стихах, где совсем по-другому встают картины «колхозного рая» 30-х годов.

В краю, куда их вывезли гуртом,
Где ни села вблизи, не то что города,
На севере, тайгою запертом,
Всего там было — голода и холода.

Но непременно вспоминала мать,
Чуть речь зайдет про всё, про то, что минуло,
Как не хотелось там ей помирать, —
Уж очень было кладбище немилое.

«Новый мир» Твардовского — это целая эпоха в русской культуре, центр духовной жизни и «легальная оппозиция» 60-х годов. «Новый мир» в те годы открыл множество имен и произведений, без которых невозможно теперь представить историю литературы.

Редколлегия «Нового мира». Слева направо сидят: А. Дементьев, А. Твардовский, А. Кондратович, А. Марьямов; стоят: М. Хитров, В. Лакшин, Е. Дорош, И. Виноградов, И. Сац.

Фото 1970 г.

Но свой «последний бой» — поэму «По праву памяти» — редактор не смог тогда опубликовать. Она появилась в журнале почти через 20 лет.

„НОВЫЙ МИР"

А. ТВАРДОВСКИЙ

ПО ПРАВУ ПАМЯТИ

Первая страница рукописи, подготовленной к печати в 1970 г.

Обложка журнала, в котором опубликована поэма.

Из дневника Твардовского:
«Сегодня... впервые за долгий срок почувствовал приближение поэтической темы, того, что не сказано и что мне, а, значит, и не только мне нужно обязательно высказать».
14.XII.1963.
36

РГДБ
2017
Забыть, забыть велят безмолвно,
Хотят в забвенье утопить
Живую быль. И чтобы волны
Над ней сомкнулись. Быль — забыть!
37

В «Новом мире», редакцию которого А. Т. Твардовский возглавлял в 50—60-е годы, были напечатаны А. Солженицын и М. Булгаков, И. Эренбург и Ф. Искандер, С. Залыгин и Ф. Абрамов.

«Я давно не читал такой рукописи, чтобы я, человек не сентиментальный мог над нею местами растрогаться до слез и неотрывно думать о ней при чтении и по прочтении. Словом, Вы написали книгу, какой еще не было в нашей литературе, обращавшейся к материалу колхозной деревни военных и послевоенных лет».

Из письма Твардовского Федору Абрамову о повести «Две зимы и три лета». 29.VIII. 1967.

«Создаётся впечатление, что Вы, Александр Трифонович, не видите, какие люди вокруг Вас выросли. Очерков о рабочем классе нет в «Новом мире»... Почти вся проза про деревню... Только деревня в Вашем журнале выглядит чаще всего мрачной и неуютной».

Из письма одиннадцати, 31.VII. 1969.

В предпоследнем номере, подписанном Твардовским, вышла повесть Ю. Трифонова «Обмен», а последней оказалась январская книжка 1970 года с повестью «Белый пароход» Ч. Айтматова.

Ю. В. Трифонов.

Давление на «Новый мир» ужесточалось, критические нападки усиливались. В 1970 году Твардовский оставил пост главного редактора журнала.

В болезнь свою Твардовский долго не хотел поверить. Он привык ощущать себя сильным, крепким, не нуждающимся в чужой помощи и утешении. Да и все видели в нем человека несокрушимого физического и нравственного здоровья. Но болезнь была беспощадной. В декабре 1971 года Александра Трифоновича не стало.

На дне моей жизни, на самом донышке
Захочется мне посидеть на солнышке,
На теплом пёнушке.
И чтобы листва красовалась палая
В наклонных лучах недалекого вечера.
И пусть оно так, что морока немалая—
Твой век целиком, да об этом уж нечего.
Я думу свою без помехи подслушаю,
Черту подведу стариковскою палочкой,
Нет, все-таки нет, ничего, что по случаю
Я здесь побывал и отметился галочкой.

КОНЕЦ

Автор М. СОКОЛОВА
Художник-оформитель Т. НОСКОВА
Редактор Л. ПУШКОВА
Д—185—89

103062, Москва, Старосадский пер., 7
Черно-белый 0-20

